

Александр Морозов

Мой кровный враг

Странное дело: каждый раз девятого мая, в День Победы, когда я пытаюсь припомнить что-нибудь из времён той далёкой войны, всплывает в памяти один и тот же эпизод, казалось бы, такой незначительный на фоне куда более волновавших и даже пугавших меня событий.

В 1944 году я был шестилетним пацаном. Наша семья жила в подмосковном посёлке, где на кирпичном заводе в ту пору работало много немецких военнопленных. Сначала режим их содержания был довольно строгим, но постепенно он стал ослабевать. Военнопленные получили некоторую свободу передвижения и стали ходить по окрестным улицам — за небольшое вознаграждение помогали жителям по хозяйству: напилить и наколоть дров, вскопать огороды, починить заборы... Мы все жили очень бедно и, кроме скудной пищи, ничего не могли предложить им за их труд. Но пленные были рады и этому.

Однажды в наш дом зашёл высокий крепкий немец с худым тёмным лицом и спросил, как мог, не надо ли в чём помочь. Дома были только моя бабушка да я. Увидев немца, бабушка сначала было растерялась и инстинктивно схватила меня и прижала к своему переднику. Немец оказался сообразительным (впрочем, к тому времени военнопленные все уже стали сообразительными) и сразу же всё понял.

Здесь я должен сделать небольшое пояснение. В 1941 году на фронт ушли все пятеро мужчин из нашей семьи: три сына моей бабушки и два её зятя, в том числе и мой отец. А в 1942 году пришли две похоронки: на моего отца и на другого бабушкиного зятя. От трёх её сыновей уже давно не было вестей: как потом оказалось, один был в немецком плену, а двое других — в госпиталях.

Немец и бабушка молча смотрели друг на друга. Моё плечо, стиснутое её крепкой крестьянской рукой, заныло, и я попытался было высвободиться, но бабушка ещё крепче прижала меня к себе. Немец не выдержал и попытался к двери, больно ударился о косяк и выскочил на крыльцо. В окно я видел, как он, понунив голову, быстро шёл со двора. Бабушка всё ещё продолжала стоять, крепко прижимая меня. Я заёрзал, её рука соскользнула с моего плеча. И вдруг она подтолкнула меня

к двери и изменившимся голосом прошептала: «Верни его!»

Мне не надо было повторять дважды. Я нырнул ногами в стоявшие у двери бабушкины полувалянки и бросился вдогонку за военнопленным. Он уже шагал по улице вдоль забора. В шесть лет я прекрасно владел «трофейным» немецким языком. Но всё же крикнул ему как можно понятней: «Эй, гутен таг! Хенде хох!» Немец мгновенно застыл и стоял, не оборачиваясь. Я же со всего маху, не сумев вовремя притормозить в моих «скороходах», врезался в него сзади и, чтобы не упасть, ухватился за его ногу. Невольно уткнувшись носом в его ватные штаны, я внезапно ощутил запах сильного, давно не мытого мужчины, удивительный запах, по которому я так тосковал все годы войны без отца, что чуть не задохнулся от неожиданного чувства. Вцепившись в штаны военнопленного, я выпалил: «Пошли, цурюк!» Он — ни шагу. Я снова: «Идём, ну, ком!» Он попытался шагнуть прочь, но тут я вдруг неожиданно для самого себя всхлипнул. Немец весь напрягся, а через секунду резко нагнулся и, подхватив меня на руки, быстро, почти бегом, понёс к дому. Сидя у него на руках, я продолжал вдыхать чарующий аромат мужского пота, дурного табаку и бог знает ещё чего...

На крыльце стояла бабушка в накинутом на плечи платке, нервно сжав его угол губами. Немец снова остановился как вкопанный. Я соскользнул на землю, но отходить от него не спешил. Бабушка тихо бросила мне: «Отведи его к сараю, пусть дров напилит». И ушла в дом. Я с радостью кинулся выполнять бабушкин приказ.

Немец попался понятливый, рукастый. Он пилил дрова старой двуручной пилой, а я юлой вертелся у него под ногами, стараясь помочь. «А ну живо в дом!» — крикнула мне бабушка с крыльца. Я повиновался.

Сидя на кухне, я в окно внимательно следил за немцем. Он работал долго и тщательно. Бабушка в окно не смотрела, но когда немец сбросил с козел последний обрезок, приказала мне: «Зови этого». Я кубарем скатился с крыльца, что не очень-то вязалось с моей ответственной ролью бабушкиного дипкурьера и переводчика. Выслушав меня и даже поняв, немец

помедлил, но затем всё же поплёлся за мной к дому. У крыльца он снова замешкался, но я уже овладел своей ролью и начал командовать. Немец долго сбивал веником снег со своих огромных валенок и наконец, сняв шапку, шагнул к двери. Бабушка толкнула её и тут же отошла к печи. Мы вошли. На кухне было жарко. На столе стояла миска горячих щей, рядом с ней лежали большая «гостевая» ложка (а вдруг он заразный какой?) и крепкий сухарь. «Ешь!» — впервые обратилась бабушка к немцу напрямую, минуя моё квалифицированное посредничество. Мне всё же пришлось дёрнуть его за рукав, и это, видимо, добавило немцу решимости. Старый стул закрипел под ним. Ел он аккуратно, как и работал. Бабушка сложила руки под передником и, прислонившись к углу печки, остановившимся взглядом смотрела мимо немца в окно. Я же не сводил с него глаз: ну как же — хоть и немец, но всё же мужчина! Да ещё и военный! Во всей нашей округе в ту пору можно было с трудом насчитать с дюжину мужчин — и те все старики да инвалиды. Остальные — на фронте. Правда, всю эту зиму у нас гостил старичок, преподаватель математики, но такой мощный да кроткий, что и за мужчину-то не считался.

Поев, немец «данкешонкнул» и стал собираться. В сених, как бы извиняясь, ещё раз тихо произнёс: «Спасибо», — и плотно затворил за собою дверь. Бабушка вдруг спохватилась и что-то сунула мне в руку: «Догони!» На ощупь я определил смятую пачку старых папирос, оставшихся ещё с тех самых, невысказанных счастливых, мирных лет.

Немец не сразу принял подарок. Я разрядил неловкую обстановку дипломатическим жестом, крикнув ему погромче: «Ауфвидерзеен!» Немец вскинулся, телогрейка распахнулась мне навстречу: «Я, я, видерзеен».

Прошло три дня, и я снова заметил его долговязую фигуру у нашей калитки. Немец переминался с ноги на ногу. Я пулей вылетел навстречу: «Гутен таг!» Он откликнулся и пошёл за мной. У крыльца вынул из кармана напильник и стал мне что-то объяснять. Я почему-то в этот раз долго не мог его понять, но тут, на моё счастье, вышел из дому наш Михаил Васильевич — учитель, знавший немецкий язык, как оказалось, лучше меня. Выяснилось, что немец хотел наточить нашу старую пилу. Справился он с этой работой быстро и с явным удовольствием. Попробовал пилу на крепких берёзовых кряжах: «Нун, гут!»

С тех пор Фриц (так он, немного смутившись, нам представился, полное его имя было Фридрих) приходил к нам чуть ли не через день. Наши дом и двор стали вспоминать свой прежний ухоженный вид. Фриц всё делал споро и молча, со спокойным лицом. Бабушке это явно всё больше и больше нравилось.

Однажды в лютую стужу он работал во дворе и обморозил руки. Бабушка заметила это перед ужином и, вскрикнув, стала оттирать ему руки мягкой шерстью, смазала лампадным маслом. Затем она впервые пригласила Фрица в комнату, где уже был накрыт стол с белоснежной, в вензелях, скатертью николаевских времён. Михаил Васильевич принёс початую четвертинку, припрятанную к празднику, и налил Фрицу рюмку водки.

От тепла, еды и водки немец наш разомлел и впервые расчувствовался. Распухшими пальцами достал откуда-то из-за пазухи свёрточек, долго разворачивал его и наконец вынул фото. На очень мягкой, чудом сохранившейся в стольких бедствиях фотографии был изображен сам Фриц (Господи, совсем ещё молодой!), его «фрау» и пара «киндер». Бабушка и Михаил Васильевич всплакнули. «Майне Линда, майн кнабе, майне... майне...» — Фриц «поплыл» и говорил без умолку. Михаил Васильевич не поспевал за ним с переводом. Я тоже почему-то не мог ему помочь. Бабушка, почувствовав себя дурно, ушла в свою комнату. Михаил Васильевич и Фриц закрылись в столовой. Меня и кошку Мурку оставили присматривать за печью — дров не жалели, спасибо Фрицу. Михаила Васильевича и Фрица долго не было, наконец они вышли из столовой с красными мокрыми лицами. Фриц, уже отрезвевший, увязывал свои пожитки, впервые как-то долго и бестолково собирался, сморкался и топал валенками. Учитель моргал влажными глазами, кашлял и что-то бормотал по-немецки. Бабушка осенила крестным знамением спину выходящего в сени немца. После его ухода мы ещё поплакали. Бабушка долго молилась на ночь. За сыпая, я слышал её тихий шёпот у иконы Божьей Матери — заступницы нашей.

С тех пор мы принимали Фрица как своего, подолгу попивали морковный чай, порой даже молча, думая каждый о своём.

А весной группу военнопленных перевели неожиданно куда-то на новое место. Фриц не смог прийти к нам попрощаться. Прибежала соседка, работавшая на том же заводе. Бабушка, Михаил Васильевич и я побежали на завод. Но там уже были части НКВД, автомобили, шла погрузка. Толчея, неразбериха, крики, команды. Кто-то из автомашин махал рукой и кричал что-то, нам показалось — Фриц. А может быть, это был и не он и не нам махал. Мы стояли понуро. «Может, и наши вот так же где-то в Германии...» — вздохнула бабушка и побрела к дому.

Позже у нас долго квартировал один майор Красной Армии. Он сердечно сочувствовал нашему горю, помогал, как мог, утешал бабушку, много возился со мной. А я прямо-таки расцветал перед ним и стал даже немного подзабывать нашего немца. Мы полюбили майора как родного. Однажды, осмелев, бабушка рассказала ему о Фрице, как будто исповедалась в каком-то тайном

грехе. Майор внимательно, с грустью выслушал её. Долго молчал, что-то соображая. Потом обронил, вздохнув: «Да чего там — дело обыкновенное...» Больше мы к этой теме не возвращались.

Долгие годы в День Победы, после поминовения погибших наших родных, после слёз, воспоминаний и горького тоста: «Будь она проклята, эта война и все, кто её затеял!» — уже за чаем, вдруг, без всякой, казалось бы, причины, кто-нибудь заговаривал: «А помните, как, бывало, Фриц...» И далее следовали новые воспоминания и различные предположения о его последующей судьбе. «А может быть, и он вот так же сидит сейчас за столом со своей семьёй

и нас вспоминает? Кстати, Сашок, а ведь дети-то его — твои ровесники. Как там они? Ох, Господи, Господи, воля Твоя!»

Один за другим вслед за бабушкой ушли из жизни трое её сыновей. Так что мне одному теперь вспоминать их бесконечные рассказы о той войне, о проклятых фашистах, о горе нашего народа и нашей семьи. И о том нашем кровном враге Фрице (прости, Господи!), которому, несмотря ни на что, мы всегда желали благополучия в его новой мирной жизни.

Фриц! С Днём Победы тебя! Ведь, ты, ежели разобратся, тоже победил. Мы все вместе победили. Ну, ты понимаешь, о чём я!